

Елена Урысон

Мышление в русской языковой картине мира (предварительные заметки)

Abstract: The main object of the proposed work is two Russian words related to the description of the mental sphere: the verb to *think* in the process meaning and the noun *thought*. The task of the work is to reveal some specific features of the representation of thinking recorded in the Russian language and, thus, in the Russian linguistic picture of the world. It will be demonstrated that the achievements of early twentieth century psychology in cognizing the thinking process coincide in an unexpected way with the linguistic representation of thinking – as if the language anticipated these discoveries by fixing in its semantic system some subtle, non-obvious features of thinking to which psychology paid attention only a little more than a hundred years ago. The description of the selected fragment of the linguistic picture of the world offered here corresponds well to the extra-linguistic reality we observe, explaining the easy change of attitudes and beliefs occurring among the masses of people in crucial epochs.

Keywords: linguistic picture of the world, mental predicate, semantic actant, syntactic actant, semantic derivative, paradigm of polysemousness

1. Объект работы. Основной объект предлагаемой работы — два русских слова, относящихся к описанию ментальной сферы: глагол *думать* (ср. *думать об отпуске*; *думать, куда пойти учиться*; *думать, с кем пойти в поход*) и существительное *мысль* (ср. *В голову пришла замечательная мысль*). Глагол *думать* в выбранных контекстах обозначает процесс (действие) думания, ср. *размышлять, обдумывать*. В другом, более изученном, значении этот глагол обозначает мнение: *думать, что Солнце вращается вокруг Земли* <что это скоро кончит-

ся»; эта вторая лексема¹ глагола *думать* не рассматривается. Кроме того, будет рассмотрено значение и употребление слова *ум* (ср. *Ум лихорадочно работает — где взять денег; Умом Россию не понять*; см.: Урысон 2004).

Задача работы — выявить некоторые специфические черты представления о мышлении, зафиксированные в русском языке и, тем самым, в русской языковой картине мира. Будет продемонстрировано, что достижения психологии начала XX в. в познании процесса мышления неожиданным образом совпадают с языковым представлением о думании — как если бы язык предвосхитил эти открытия, зафиксировав в своей семантической системе некоторые тонкие, неочевидные особенности мышления, на которые психология обратила внимание лишь немногим более ста лет назад. Предлагаемое здесь описание выбранного фрагмента языковой картины мира хорошо соответствует наблюдаемой нами внеязыковой действительности, объясняя легкую смену взглядов и убеждений, происходящую у масс людей в переломные эпохи.

Естественный язык, в частности русский, располагает большим количеством слов, в значение которых входит указание на мышление. Это прежде всего ментальные предикаты — «класс предикатов, описывающих сферу умственной деятельности в широком смысле слова» (Апресян 2004а). В классе ментальных предикатов выделяют две большие группы: предикаты, указывающие на знание (фактивные предикаты, ср. *знать (что Земля вращается вокруг Солнца), догадаться (что он приехал), помнить (что у нее сегодня день рождения)* и т.п.), и предикаты, указывающие на мнение (путативные предикаты, ср. *думать (что Земля плоская), считать (что все обойдется), вообразить (что она его ждет)* и т.п.). По другому основанию в классе ментальных предикатов «в соответствии с общей классификацией предикатов различают ментальные действия и процессы (*думать о чем-л., [...] размышлять, смекать, соображать, догадываться, забывать, вспоминать, фантазировать, сравнивать* и т.п.) и ментальные

1 В соответствии со словоупотреблением, принятым в московской семантической школе, мы будем называть слово, взятое в одном конкретном значении, лексемой. По существу, лексема — это лексико-семантический вариант (ЛСВ) Смирницкого.

состояния (*знать, думать (что...), считать (что...), помнить* и т.п.)» (Там же). В самом первом приближении, ментальное состояние — это обычно результат некоторого ментального действия (процесса). Так, человек считает что-л., если он воспринял и обработал в уме какую-либо информацию; субъект помнит что-л., если он запомнил соответствующую информацию и т.п. Типам ментальных предикатов посвящена огромная литература (в частности, Vendler 1967; Арутюнова 1988; Падучева 2004; Апресян 2006), и мы сейчас на этом не останавливаемся.

Однако указание на «сферу умственной деятельности», в частности на знание или мнение, входит в семантику не только ментальных предикатов как таковых. Например, глагол *заблудиться (в лесу)*, относящийся к глаголам перемещения, указывает на знание — а именно на то, что субъект не знал дороги, а также на то, что он счел неправильный путь правильным, т.е. на мнение (ср. аналогичные примеры в: Апресян 2004а). Глаголы *радоваться* и *огорчаться (что Р)*, обозначая определенные эмоции, тоже указывают на знание: высказывание *Мария радуется <огорчается>, что Иван вернулся* предполагает, что Мария знает о возвращении Ивана. Аналогично, глагол *надеяться* указывает не только на эмоцию, но и на мнение субъекта: ср. *Петр надеется на лучшее будущее* — Петр считает, что лучшее будущее может иметь место.

Получить достаточно полное представление о мышлении в языковой картине мира можно, лишь описав соответствующую лексику. Мы, однако, не ставим здесь такой задачи и ограничиваемся анализом выбранных слов.

2. Думать, где достать денег <как они там>. Глагол *думать*, обозначающий ментальное действие, имеет два основных круга употреблений:

(1) *Он стал думать, где достать денег; Думаю, выйдет ли она за него замуж; Она постоянно думает о детях — как и чему их учить, что им читать, куда повести.*

(2) *Ночью думала, как они там без него; Весь день думала о нем, о предстоящей встрече — как она увидит его, как он обрадуется, как они будут разговаривать.*

В контекстах типа (1) *думать* предстает как действие, цель которого — понять данный объект или то, какая ситуация имеет место, что-

бы принять нужное решение. *Думать* сближается здесь с *обдумывать*, *размышлять*. В контекстах типа (2) *думать* тоже обозначает ментальное действие, но его цель — представить себе объект, т. е. создать в воображении образ объекта. В контекстах типа (2) *думать* сближается с *воображать* (*встречу*), *мечтать*.

Словари не различают эти две единицы. Между тем, данные единицы отличаются друг от друга не только своей семантикой, но и своими синтаксическими свойствами. Действительно, *думать* ‘обдумывать’, в отличие от *думать* ‘мечтать’, присоединяет инфинитивное придаточное, ср. *думать, куда пойти учиться* <как уменьшить расходы>. Кроме того, *думать* ‘обдумывать’, наряду со стандартным обозначением объекта *о ком-л. (чем-л.)*, в определенных случаях допускает группу *над чем-л.*, ср. *думать над новой проблемой* (как *биться над задачей*). Тем самым, *думать* в (1) и *думать* в (2) — это две разные языковые единицы, которые естественно считать разными лексемами глагола *думать*. Назовем эти лексемы «думать реалистичное» и «думать воображительное».

Данные лексемы близки друг другу, и многие высказывания с ними допускают оба понимания. Ср. *Весь день думала о предстоящей встрече; Думала, о чем они будут говорить, когда встретятся, куда пойдут ужинать*. Тем не менее, в полном и адекватном лингвистическом описании такие единицы должны быть различены.

Приведем толкования лексем «думать реалистичное» (*думать* 1) и «думать воображительное» (*думать* 2).

Думать 1 («думать реалистичное»)². Примеры: *Она постоянно думает о детях — как и чему их учить, что им читать, куда повести; Думаю о новой работе — что же мне там поручат делать; Думаю, выйдет ли народ на улицу; Они думали о будущем; Он думает над новой проблемой*.

(3) А₁ думает А₃ об А₂ [*Думаю о новой работе* [А₂] — что же мне там поручат делать [А₃]]: ‘Человек А₁ обрабатывает умом информацию об объекте А₂ или объектах, связанных с А₂, чтобы понять, каковы существенные свойства А₂ или какая ситуация А₃ имеет место или желательна’.

2 Предложенное толкование существенно опирается на толкование лексем *думать* ‘размышлять’, данное Ю. Д. Апресяном (2017).

Еще некоторые примеры с указанием актантов: *Думаю, выйдет ли народ на улицу* [А3]; *Она постоянно думает о детях* [А2] — как и чему их учить, что им читать, куда повести [А3].

Обратим внимание на то, что лексема *думать* 1, подобно многим ментальным предикатам, а также предикатам речи, имеет два семантических близких, но не тождественных актанта: «тема» (актант А2) и «содержание» (актант А3). Ср. *Думаю о новой квартире* [тема размышления] — *как там лучше расставить мебель* [содержание размышления]; *думать о детях* [тема] — *думать, чем накормить детей* [содержание]³. Эти актанты по-разному выражаются в высказывании. Семантический актант А2 (тема) выражается группой *о* + ПР, *думать о будущем* <о детях>. Семантический актант А3 (содержание) выражается косвенным вопросом, ср. *Думаю, что я буду у них делать*, в частности — инфинитивным (ср. *Думаем, куда поехать в отпуск*), а также самостоятельным предложением или прямой речью, ср. *Стоит и думает — когда же будет автобус?*; *Все думаю: «Кому они теперь нужны?»*. Кроме того, эти два актанта могут выражаться синкретично, т. е. одним и тем же зависимым, ср. *думать над новой проблемой* ‘думать, как решить проблему’: здесь группа *новая проблема* обозначает одновременно и тему ‘новая проблема’, и содержание размышлений ‘как ее решить’. При этом семантический актант А3 (содержание) часто не выражается, ср. *думать о будущем*, или выражается при невыраженном А2, ср. *думать, куда пойти учиться*.

Поскольку *думать* 1 («думать реалистичное») толкуется через ‘понять’, т. к. цель этого ментального действия — понять что-л. об объекте, то уместно остановиться на семантике глагола *понять*. Для нашей работы важна основная лексема этого глагола, представленная в случаях типа *О новом законе мы поняли, что он нас не защитит*; *Я понял его намерения*; *Она поняла, что детей нужно отдать в другую школу*; *Умом <разумом, рассудком> я это понимаю, а сердцем принять не могу*.

(4) А1 понял А3 об А2 [О новом законе [А2] мы поняли, что он нас не защитит [А3]]: ‘Человек А1, обработав умом информацию об А2 или

3 О семантических актантах «тема» и «содержание» см., например: Апресян 2004б.

объектах, связанных с А₂, в результате начал иметь в сознании истинную информацию А₃ об А₂'⁴.

Глагол *понять*, как и *думать*, имеет два близких семантических актанта: «тема» (актант А₂) и «содержание» (актант А₃). Актант А₂ («тема») выражается группой *о* + ПР, актант А₃ («содержание») выражается *что*-придаточным или косвенным вопросом, а также формой ВИН; ср. *Понял, что нужно бежать*; *Понял, куда бежать и где прятаться*; *Понял ее намерения*. При глаголе *понять*, в отличие от *думать* 1, семантический актант А₂ («тема») часто не выражается, а если выражается, то обязательно при выраженном актанте А₃ («содержание»); ср. *понять его намерения* <куда пойти учиться, что нужно уезжать>, но не **Мы поняли о новом законе*.

Перейдем к следующей лексеме глагола *думать*.

Думать 2 («думать воображительное»). Примеры: *Все думаю о ней — как-то ей теперь живется*; *Ночью думала, как они там без него*; *Весь день думала о предстоящей встрече с мужем*.

(5) А₁ думает А₃ об А₂ [*Думаю о ней* [А₂] — *как-то ей там живется* [А₃]]: 'Человек А₁ обрабатывает умом информацию об объекте А₂ или объектах, связанных с А₂, чтобы представить А₂ или ситуацию А₃, связанную с А₂'.

«*Думать* воображительное», как и «*думать* реалистичное», имеет семантические актанты «тема» (А₂) и «содержание» (А₃). Однако, как уже говорилось выше, «*думать* воображительное» накладывает свои требования на их выражение. Во-первых, при лексеме «*думать* воображительное» невозможна зависимая группа *над* + ТВОР (т.е. синкретичное выражение актантов «тема» и «содержание»): *думать* в контексте этой группы всегда понимается как «*думать* реалистичное», ср. *думать над задачей*, *Подумайте над этим вопросом*. Во-вторых, актант А₃ («содержание») у «*думать* воображительное» нормально выражается *как*-придаточным, ср. *Все думаю, как она теперь счастлива* <как бы я им помог>, и не может выражаться инфинитивным придаточным: в контексте такого придаточного *думать* понимается как «*думать* реалистичное», ср. *думать, как им помочь*.

4 Предложенное толкование существенно опирается на толкование лексемы *понять*, данное И. М. Богуславским (1984).

Подытожим: цель действия «думать реалистичное» — понять что-л., т.е. получить знание; цель действия «думать воображительное» — представить себе что-л., т.е. создать мысленный образ объекта. В связи с этим «думать реалистичное» синонимично *обдумывать* и *размышлять* и сближается с *решать* (*куда поехать в отпуск*), а «думать воображительное» сближается с *воображать* (*встречу*), *представлять* (*себе встречу*), *мечтать*, *грезить*.

Оказывается, что эти две лексемы *думать* соответствуют двум типам думания, или двум типам мысли, впервые выявленным в психологии Э.Блейлером (1912; русский пер. 1927), а затем описанным применительно к детям Ж.Пиаже. Первый тип мышления Блейлер назвал разумным, или реалистичным, направленным, второй тип — аутистичным⁵. По Пиаже, «мысль направленная сознательна [...], т.е. она преследует цели, которые ясно представляются уму того, кто думает. Она разумна, т.е. приспособлена к действительности и стремится воздействовать на нее. Она заключает истину или заблуждение [...]. Аутистическая мысль подсознательна, т.е. цели, которые она преследует, или задачи, которые она себе ставит, не представляются сознанию. Она не приспособляется к внешней действительности, а создает сама себе воображаемую действительность, или действительность сновидения. Она стремится не к установлению истины, а к удовлетворению желания» (цит. по: Выготский 2007:25). Легко видеть, что реалистической, направленной мысли (точнее, такому думанию) соответствует лексема «думать реалистичное», а мысли аутистической — лексема «думать воображительное». «Между этими двумя крайними формами мысли есть много разновидностей» (Там же) — этим разновидностям соответствуют употребления, промежуточные между «думать реалистичное» и «думать воображительное», ср. *Весь день думала о предстоящей встрече*⁶.

Заметим, что эта идея Блейлера впоследствии активно развивалась в психологии, однако обзор современных работ по психологии выходит далеко за рамки лингвистической работы.

5 Термины *аутизм* и *аутистичный* в дальнейшем стали употребляться в другом смысле.

6 О промежуточных употреблениях см.: Апресян 2010.

Мы убедились, что в семантической системе языка зафиксировано знание, явным образом сформулированное в науке только в новейшее время.

3. Мысль. Это существительное формально образовано от глагола *мыслить*, однако семантически гораздо теснее связано с глаголом *думать* и является его семантическим дериватом. Трудности описания слова *мысль* связаны с тем, что в разных контекстах оно обозначает разные сущности.

Во-первых, слово *мысль* обозначает действие (процесс), т. е. думание, мышление. Ср.:

(6) *Аутистическая мысль подсознательна; Пьер искал этого [успокоения] путем мысли* (Л. Толстой).

Во-вторых, слово *мысль* в некоторых контекстах предстает как некоторый как бы инструмент думания, ср.:

(7) *Его мысль безостановочно работала.*

В-третьих, слово *мысль* в определенных контекстах обозначает некий ментальный продукт — как бы естественный результат того, что субъект думает, размышляет, ср.:

(8) *Новые данные навели нас на принципиально другую мысль; В голову лезла мысль, что она не дождалась его; В голове бродят ленивые мысли о жаре, о лете.*

Разнообразие употреблений слова *мысль* не ограничивается приведенными примерами, но сколько-нибудь подробное описание всех его контекстов выходит за рамки этой работы. Для нас важно, что это разнообразие вполне системно — оно хорошо укладывается в парадигму многозначности имени действия, т. е. соответствует регулярной полисемии существительного, обозначающего действие (процесс) (Апресян 1974). Продемонстрируем это на приведенном материале.

Существительное-дериват от глагола с процессным значением обычно полисемично. Первая, корневая (по Падучевой 2004), лексема такого деривата обозначает процесс (действие), а кроме того, такой дериват может иметь и лексему, обозначающую инструмент или устройство, ср. *поднос блюд к столу* (действие) — *поднос для тарелок* (инструмент), *начать вентиляцию помещения* (процесс) — *чинить вентиляцию* (устройство). Такой дериват часто имеет и лексему со зна-

чением результата действия, ср. *вырубка леса* (действие) — *идти по вырубке* (результат), *выписка цитат из книги* (действие) — *делать выписки из книги* (результат).

Для нашей работы важны контексты типа (8), где мысль естественно интерпретировать как некий ментальный продукт мыслительной деятельности, который локализован в уме субъекта (и, по крайней мере в определенных случаях, может быть сообщен субъектом кому-либо, см. об этом ниже). Очевидно, что в парадигме многозначности существительного *мысль* корневой лексемой является *мысль* в процессном значении, ср. (6), а *мысль* из (8) естественно помещается в клетку деривата с результативным значением.

Однако глагол *думать* в процессном значении представлен (как минимум) двумя лексемами — «*думать* реалистичное» и «*думать* вообразительное». Поэтому при ближайшем рассмотрении в примерах типа (6) может выявиться не одна, а две лексемы слова *мысль*: дериват с процессным значением от «*думать* реалистичное» и дериват с тем же значением от «*думать* вообразительное». При внимательном анализе «результативная *мысль*» тоже может разделиться на две лексемы. При этом с логической точки зрения возможно, что в процессном деривате *мысль* семантика производящих лексем «*думать* реалистичное» и «*думать* вообразительное» как бы сливается, однако эти «производящие значения» различаются в результативных дериватах. По-видимому, именно так обстоит дело со словом *мысль*. Описание процессного значения слова *мысль* не входит в задачи этой работы. Сосредоточимся на слове *мысль* в контекстах типа (8).

Мысль как обозначение «продукта думания» действительно имеет две лексемы, одна из которых возводится к «*думать* реалистичное», а вторая — к «*думать* вообразительное». Но как будет показано ниже, эти лексемы слова *мысль* по крайней мере в одном отношении коренным образом отличаются от производящих их глагольных лексем. Поэтому хотя в парадигме многозначности отглагольного существительного такая лексема *мысль* и занимает клетку деривата с результативным значением, но ее семантика существенно отличается от семантики «чистого результата». Тем не менее, для удобства назовем эти лексемы «*мысль* реалистичная» и «*мысль* вообразительная». Снача-

ла опишем эти лексемы, а затем покажем их семантическое отличие от производящего *думать*.

Лексема «*мысль реалистичная*» представлена в следующих контекстах:

(9) *Вдруг простая мысль пришла ему в голову — ее просто нет в Москве; Ей пришла в голову замечательная мысль — эти операции можно выполнять одновременно.*

Такая мысль может быть подвергнута логическому анализу, выражена словами и сообщена другому человеку, ср. *сообщить мысль, высказать мысль*, а также:

(10) *Она долго обдумывала эту мысль, прежде чем решилась поделиться ею; В голове одна мысль: «Нам необходимо встретиться»; Некоторые свои мысли о развитии экономики он изложил в виде тезисов.*

Форма МН лексемы «*мысль реалистичная*» обозначает более одной такой мысли с четким содержанием, ср. *У меня несколько мыслей по поводу этого предложения*. Близкий синоним лексемы «*мысль реалистичная*» — слово *идея*, ср. *Мне пришла в голову идея — эти операции можно выполнять последовательно*.

Лексема «*мысль вообразительная*» представлена в контекстах типа:

(11) *Мысль о жене не давала покоя; И вот мысли мои опять возвратились к далеким, почти забытым осенним ночам, которые видел я когда-то в детстве, среди холмистой и скудной степи средней России (И. Бунин).*

Форма МН этой лексемы обозначает поток не вполне оформленных, не вполне отделенных друг от друга ментальных сущностей, ср. *Однако мысли его витали за тридцать земель от предмета его занятий (Б. Пастернак)*. Близкий синоним лексемы «*мысль вообразительная*» — слово *дума*, ср. *Думы о детях не давали покоя*.

Многие высказывания со словом *мысль* допускают оба понимания или, возможно, содержат употребления, промежуточные между лексемами «*мысль реалистичная*» и «*мысль вообразительная*», ср. *В голове у нее роились сотни смутных мыслей, но они уже облекались сонным туманом (И. Бунин)*. Тем не менее, эти лексемы различаются актантной структурой, синтаксисом и сочетаемостью.

Обе лексемы наследуют от производящих глагольных лексем семантический актант «тема», который выражается группой *о* + ПР, ср. *У*

него появилась интересная мысль о переработке льна («думать реалистичное») и Не дает покоя мысль о детях («думать воображительное»). Но у лексемы «мысль реалистичная» этот актант может выражаться еще и группой относительно + РОД, ср. мысли относительно построения лингвистического процессора.

«Мысль реалистичная» наследует от глагола семантический актант «содержание». Он выражается инфинитивом (ср. мысль уехать из Москвы), что-придаточным, самостоятельным предложением, в частности инфинитивным, или прямой речью. Ср. Пришла мысль, что мы никому не нужны; У меня другая мысль — хуже не будет <лучше уехать>; Одна мысль в голове: «Не устою, упаду, уроню флаг» (В. Гаршин). При этом актанты «тема» и «содержание» могут выражаться синкретично, ср. Мысль об эмиграции никогда не приходила ему в голову (здесь слово эмиграция обозначает одновременно и тему мысли и ее содержание 'можно или нужно эмигрировать').

Что касается лексемы «мысль воображительная», то она, по нашим наблюдениям, не имеет актанта «содержание»: при наличии зависимого предложения слово мысль понимается только в «реалистичном» смысле. Это вполне соответствует семантике глагольной лексемы «думать воображительное», обозначающей ментальный процесс, не вполне осознаваемый субъектом.

Следующее синтаксическое различие между обсуждаемыми лексемами тоже связано с их семантикой. Поскольку та или иная реалистичная мысль имеет четкое содержание, она ясно отграничивается от других реалистичных мыслей (они имеют другое содержание). Воображительная мысль, не имеющая четкого содержания, напротив, может как бы перетекать в другую мысль. (См. выше о значении формы МН лексем «мысль реалистичная» и «мысль воображительная»). В связи с этим лексема «мысль реалистичная» сочетается с кванторными словами (ср. Некоторые из этих мыслей <все эти мысли> он потом попытался разработать; Каждую мысль привыкла рассказывать матери), с количественными числительными (ср. В голову одна за другой пришли две мысли; В голове остались три нехитрые мысли: надо достать хлеба, завтра опять рано вставать, скоро зима), со словами такой, другой и т.п. (ср. Такая мысль посетила его впервые, У меня другая мысль об этом). Лексема «мысль воображительная», напротив, не сочетается с кванторны-

ми словами и количественными числительными; плохо (вне языковой игры) *В голове три ленивых мысли о жаре; *Его беспокоили некоторые мысли о детях. В контексте слов такой, другой и т.п. слово *мысль* понимается в реалистичном смысле, т.е. как мысль с четким содержанием; ср. Такие мысли его злили, Ее тревожили другие мысли о детях.

Две выделенные лексемы слова *мысль* различаются сочетаемостью. При этом в подавляющем большинстве стандартных сочетаний со словом *мысль* выступает лексема «*мысль реалистичная*». Именно эта лексема образует оценочные сочетания, характеризующие содержание мысли, ср. четкая <ясная> мысль, бредовая <дикая, фантастическая> мысль, верная <справедливая, мудрая> мысль, простая <естественная, странная> мысль, глубокая <интересная, плоская, банальная> мысль, хорошая <счастливая> мысль. Лексема «*мысль реалистичная*», но не «*мысль вообразительная*» образует глагольные сочетания, указывающие на влияние мысли на субъекта, ср. Мысль преследует <пугает, поражает>. Только лексема «*мысль реалистичная*» сочетается с глаголами, указывающими на словесное оформление мысли и возможность ее сообщения другому человеку, ср. высказать <изложить, сообщить> мысль, докончить мысль, скомкать мысль, поделиться мыслями; развивать мысль, подхватить мысль, присвоить (чужую) мысль, понять (чью-л.) мысль, повторять чужие мысли, подать <внушить> мысль. С глаголами, указывающими на контроль мыслей субъектом, тоже сочетается только лексема «*мысль реалистичная*», ср. обратиться с мыслями, лелеять мысль, прогнать <отбросить> мысль, не допускать мысли (что...), оставить мысль, отказаться от мысли, расстаться с мыслью.

Лексема «*мысль вообразительная*» имеет гораздо более бедную сочетаемость, причем подавляющее большинство таких сочетаний возможны и для «*мысли реалистичной*». Так, обе лексемы сочетаются с глаголами, указывающими на зависимость мысли от каких-то факторов. Однако лексема «*мысль реалистичная*», но не «*мысль вообразительная*», сочетается с глаголом *натолкнуть на*, ср. Эти выводы <последние события> наталкивают на мысль, что все может измениться к лучшему. С глаголом *навеять* сочетается, скорее, лексема «*мысль вообразительная*» (хотя, возможно, в контексте этого глагола обсуждаемые лексемы не различаются), ср. Эта встреча навеяла на нее грустные мысли. С обеими лексемами сочетается глагол *навести на*, ср.

Эти выводы наводят на иную мысль, Эта встреча навела ее на печальные мысли.

Аналогичным образом, лексема «*мысль* реалистичная» выступает в гораздо большем количестве стандартных сочетаний, указывающих на развитие или «поведение» мысли в уме субъекта. Ср. *Ход мыслей, Мысли разбегаются, Мысли улетают, Мысль мелькнула <шевелинулась, блеснула>, Мысль вертится, Мысль лезет в голову, Мысли атакуют.* «*Мысль* воображительная» образует, по-видимому, всего одно подобное сочетание: *Мысли витают (неизвестно где).*

Наконец, реалистичная мысль может быть изложена устно или письменно — т.е. лексема «*мысль* реалистичная» образует сочетания с соответствующими глаголами, ср. *высказать <изложить> мысль, сформулировать мысль, докончить мысль, скомкать мысль, поделиться мыслью (с друзьями), развивать мысль, повторять (одну и ту же мысль)*⁷. См. также (10).

Количественные различия в сочетаемости «*мысли* реалистичной» и «*мысли* воображительной», как и различие в их актантной структуре, объясняются семантикой производящих глагольных лексем. Лексема «*думать* воображительное» обозначает часто слабо осознаваемый ментальный процесс, поэтому представление о нем мало разработано в языке. Реалистичное думание, напротив, хорошо осознается субъектом, и потому язык хорошо разработал это понятие.

Заметим, что толковые словари, не различая двух выделенных выше значений глагола *думать*, четко разделяют соответствующие значения слова *мысль*. Словарь Ушакова толкует «*мысль* реалистичную» как «продукт деятельности разума, рассуждения, размышления» (ср. *глубокая мысль, интересная мысль*), а «*мысль* воображительную» —

7 Отсюда не следует, что человек думает словами. «Течение и движение мысли не совпадают прямо и непосредственно с развертыванием речи. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество. Они связаны друг с другом сложными переходами, сложными превращениями [...]. Легче всего убедиться в этом в тех случаях, когда работа мысли оканчивается неудачно, когда оказывается, что мысль не пошла в слова, как говорит Достоевский» (Выготский 2007: 340). «Мысль имеет свое особое строение и течение, переход от которого к строению и течению речи представляет большие трудности» (Там же: 341). О сложном соотношении языка и речи см. также: Жинкин 1998.

как 'то, что заполняет сознание' (ср. *Сверлит голову мысль о предстоящей разлуке*). Отметим в связи с этим парадокс слова *сознание*: с одной стороны, его внутренняя форма указывает на осознание субъектом своих ощущений, чувств, мыслей; но, с другой стороны, субъект может весьма слабо и не сразу отдавать себе отчет в том, что «заполняет его сознание», ср. *поймать себя на мысли, не отдавать себе отчета в своих чувствах* и т. п.

МАС повторяет это толкование «мысли вообразительной», но толкует «мысль реалистичную», скорее, с точки зрения научной картины мира: 'результат процесса мышления (в форме суждения или понятия)'.

Перейдем теперь к коренному семантическому отличию обсуждаемых дериватов от производящих глагольных лексем.

Сосредоточимся на реалистичном думании. Если цель такого думания — «добыть истину», или по (3), — 'понять, каковы существенные свойства А₂ или какая ситуация А₃ имеет место или желательна', то дериват с результативным значением от глагола «думать реалистичное» обозначает знание, истинную информацию о существенных свойствах А₂ или о ситуации А₃. Однако содержанием реалистичной мысли может быть отнюдь не истинная информация. Ср.:

(12) *Не дает покоя мысль, что его могли спасти; Не могу отделаться от мысли, что он не вернется; В голову лезла мысль, что им не дадут визу.*

В подобных контекстах речь не идет об истинной информации, и, значит, лексема «мысль реалистичная» не указывает на истинность вводимой ею пропозиции. Этим данная лексема отличается от, например, фактивного *понять*; ср. *Она поняла, что он не вернется*, где 'он не вернется' — это истинная информация, знание, полученное субъектом.

Быть может, лексема «мысль реалистичная» обозначает мнение как некий «промежуточный результат думания»? Если так, то в контекстах типа *мысль, что им откажут в визе* речь идет о мнении субъекта.

Однако это неверно. Если у субъекта есть какое-то мнение, то, значит, он принял решение выбрать данную точку зрения (понимая, что, возможно, истина не такова) — это акт воли субъекта, ср. *считать <счасть> кого-л. виновным* (Апресян 2004а); или же субъект принял решение «создать <ментальный> мир, в котором утверждаемая пропо-

зиция истинна» (Зализняк 2006: 199). Но случай типа *мысль, что им откажут в визе*, как и контексты типа (12) вообще, не предполагают никакого решения субъекта.

Здесь мы подходим к важнейшей черте той сущности, которая обозначается лексемой «*мысль реалистичная*», или, иначе, к основной семантической особенности этой лексемы: *мысль* в целом неподвластна субъекту. Ср. (12), а также:

(13) *В голову лезут посторонние мысли; Мысли текли под шелковой шапочкой, суровые, ясные, безрадостные. [...] Мысли эти приходили как будто извне и в том порядке, в каком им самим было желательно* (М. Булгаков).

Если реалистичная *мысль* и контролируема, то лишь до определенной степени, ср. *собраться с мыслями, обдумать мысль, отбросить мысль (о войне), отвергнуть мысль (о примирении), не допускать мысли (о разводе), оставить мысль (об эмиграции), отказаться от мысли (о новом браке)*.

Субъект не властен в возникновении и даже исчезновении такой мысли: «*мысль реалистичная*» появляется в сознании, пребывает в нем и исчезает из него безотносительно к воле субъекта, как бы сама по себе, ср. *В голову пришла замечательная <странная> мысль, В голову лезут плохие мысли, В голове вертится одна мысль, Эта мысль быстро исчезла, Мысли рассеиваются <разбегаются>, Пыталась думать о работе, но мысли все время улетали, Откуда-то взялась мысль о разлуке* и т. п.

Неподконтрольна субъекту и «*мысль воображительная*», ср. *Пронюлся с мыслью о предстоящей встрече*. Неподконтрольность воображительной мысли усугубляется еще и тем, что она, в отличие от реалистичной мысли, не может быть подвергнута логическому анализу, выражена словами и сообщена другому человеку.

Мы убедились, что *мысль* не является результатом целенаправленного действия *думать*, и, значит, обсуждаемые лексемы не являются «чистыми» дериватами от производящих их лексем «*думать реалистичное*» и «*думать воображительное*». Опираясь на толкования этих лексем в Словаре Ушакова, приходим к выводу, что и реалистичная, и воображительная *мысль* — это невидимый продукт деятельности ума. В случае мысли воображительной этот продукт представляет собой образ объекта (ситуации), возможно, не вполне законченный. В случае

мысли реалистичной этот продукт представляет собой некоторую как бы информацию об объекте (ситуации), которая может быть как истинной, так и ложной, и даже может быть мало согласована с теми сведениями, которыми располагает субъект.

Кажется парадоксальным, что целенаправленное действие *думать* приводит не к ожидаемому контролируемому результату, а к такому странному продукту, который неподвластен субъекту. Однако с точки зрения «модели человека», представленной в языке, это вполне закономерно. Обратимся к этой модели, как она представлена в нашей работе (Урысон 2004), по необходимости ограничиваясь самым кратким ее описанием.

4. *Ум*. На первый взгляд, толкование слова *ум* вполне очевидно: *ум* — это ‘способность человека думать и понимать’, ср.:

(14) *Природа наделила ее умом и красотой; Он совсем ума лишился.*

Однако в большинстве контекстов слово *ум* имеет «нелогичную» сочетаемость, которая не согласуется с этим толкованием, ср.:

(15) *Умом Россию не понять; Ее ум ничем не занят; Странная мысль мелькнула в его уме.*

В этих контекстах слово *ум* предстает как некая «предметная сущность», некое устройство внутри субъекта или, точнее, орган мышления субъекта. Этот орган имеет определенную локализацию — он представляется находящимся где-то в верхней части головы человека, в области лба и висков. Об этом свидетельствуют русские жесты: говоря, что кто-то лишился ума, говорящий может постучать себя согнутым указательным пальцем по середине лба или же как бы вкручивать указательный палец в висок. Оба жеста имеют название: первый «постучать себя пальцем по лбу», второй — «покрутить пальцем около виска» (СЯРЖ 2001). Сказанное справедливо и для синонимов слова *ум* — это слова *разум, рассудок, интеллект*.

Оказалось, что подобной нелогичной сочетаемостью обладают и другие слова, обозначающие фундаментальные способности человека.

Это прежде всего слово *совесть*. В первом приближении слово *совесть* можно истолковать так: ‘способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства, и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам,

вследствие чего менять свои действия, мысли и чувства так, чтобы они этим нормам соответствовали'. При этом с совестью связывается яркое представление о чем-то, что функционирует внутри человека, причем эта сущность активно действует независимо от воли субъекта. Ср.:

(16) *Совесть велит <заставляет, не пускает>; Совесть мучит <не дает спать по ночам>; Совесть проснулась <заговорила>; Совесть спокойна.*

(17) *Иль скажет сын, / [...] что меня / И совесть никогда не грызла, совесть, / Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть, / Незванный гость, докучный собеседник (А. Пушкин).*

В большинстве этих сочетаний совесть как будто предстает как существо, даже человек, внутри человека. Для наших целей, однако, это несущественно: важно, что слово *совесть* обозначает некую неподвластную человеку сущность, действующую внутри него самого⁸.

Яркое представление о некоем устройстве внутри человека или, точнее, о некоем его внутреннем органе связывается и со словом *память*⁹. С одной стороны, *память* — это 'способность человека запоминать, помнить или вспоминать'. Ср.:

(18) *Он теряет память; Временами память возвращалась к ней; При недостатке некоторых витаминов группы В появляется снижение памяти и работоспособности.*

С другой стороны, в большинстве стандартных сочетаний слово *память* ведет себя как обозначение внутреннего органа, в ряде отношений напоминающего вместилище. Этот орган отчасти контролируется субъектом, ср. *напрягать память, тренировать <развивать> память, перегружать память, хранить в памяти, вычеркивать из памяти, перерубать в памяти*. Однако в целом память действует независимо от

8 Метафорическая сочетаемость слова *совесть* неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, см. прежде всего: Арутюнова 1976: 93–111. Однако, на наш взгляд, в этих метафорических сочетаниях не предмет уподобляется предмету (существу), а признак одной сущности уподобляется признаку другой сущности, причем сами эти сущности друг другу не уподобляются, т. е. совесть не уподобляется «когτισтому грызуну». Подробнее об этих двух типах метафор см.: Арутюнова 1984; Зализняк 2006: 57–72; Урысон 2020. Противоположный подход к описанию метафорических сочетаний типа *дутый авторитет* последовательно проведен в ст.: Успенский 1979.

9 Впервые слово *память* как обозначение «специального устройства внутри организма» толкуется в: Апресян/Жолковский/Мельчук 1984.

воли субъекта. Ср. *врезаться в память, остаться <отложиться, отпечататься, запечатлеться> в памяти, храниться в памяти, изглаживаться из памяти, стираться в памяти, возникать <всплывать в памяти>*, а также:

(19) *В памяти непрошено возникают <всплывают> картины далекого прошлого; Не в меру услужливая память разворачивала картины прошедшего.*

Аналогичное представление о «внутреннем органе», деятельность которого почти не зависит от субъекта, связывается с синонимами *воображение* и *фантазия*. В самом первом приближении, *воображение* — это ‘способность человека создавать мысленные образы’. Ср. *Он начисто лишен воображения <фантазии>*. Однако в подавляющем большинстве контекстов слова *воображение* и *фантазия* обозначают нечто, функционирующее внутри человека, ср.:

(20) *Воображение работает <создает все новые и новые образы, рисует другую жизнь>*; *Фантазия работает <создает причудливые образы>*.

Этот «внутренний орган» функционирует, вообще говоря, вполне самостоятельно, независимо от воли субъекта, ср. (20), а также:

(21) *Он спрашивал, и за каждым Лариным ответом у него падало сердце, словно он летел в пропасть. Его израненное воображение не попевало за новыми открытиями (Б. Пастернак); Чувствуешь, что она, наконец, устает, истощается в вечном напряжении, эта неистощимая <выделено Достоевским> фантазия (Ф. Достоевский).*

Лишь в немногих стандартных контекстах речь идет о частичном контроле субъекта над воображением, ср. *будоражить <подхлестывать> воображение*.

Аналогичным образом ведет себя еще целый ряд слов: *слух, зрение, воля, способности* (ср. *Он напрягал все свои способности*), *чувства* (ср. *Все его чувства были напряжены до предела*) (см.: Урысон 2004), а также *сознание* (Урысон 2007) и *внимание* (Урысон 2020). Требуется объяснить странное поведение этой группы слов.

Обратим внимание на то, что в русском языке есть слово, отчасти сближающееся с рассмотренными словами в их «нелогичных» сочетаниях. Это *душа*. У души есть определенная локализация — она представляется находящейся в верхней части груди человека. У нее есть и какие-то свои функции, с ней связано представление об особенных

происходящих внутри нее процессах. Ср. *Что происходило тогда в его душе?; В душе рождалась любовь*. Тем самым душа сближается с обычными человеческими органами — легкими, печенью, селезенкой. Однако в отличие от них, душа — это нематериальный, «невидимый» орган (Wierzbicka 1990; Wierzbicka 1992).

В самом первом приближении, душа — это орган внутренней жизни человека, в частности его чувств и предчувствий, вообще всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. Ср. *В душе она хотела уйти; В глубине души он уже понимал, что им придется расстаться; Его душа была полна сомнений при невозможности (вне языковой игры) *В душе он хотел спать; *В душе она хотела чаю; *Его душа была полна научных планов*. С религиозной точки зрения душа связывает человека с высшим духовным началом — это тот орган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир; ср. *Душа тянулась к Богу*.

В языковой модели мира человек состоит из двух частей — души и тела, причем душа нематериальна и не связана ни с каким материальным внутренним органом. Это представление сохраняется в устойчивых выражениях, ср. *в чем душа держится, душу вытрясти* (из кого-л.), *Душа отлетела от тела*. Вполне сохраняется и противопоставление души и тела; ср. *Ты любишь только мое тело, а не душу!* — горько сказала однажды Катя (И. Бунин).

Слово *ум* и другие рассмотренные выше слова в своих «нелогичных» контекстах сближаются со словом *душа*: они тоже служат обозначением каких-то нематериальных, невидимых органов. Правда, эти слова обозначают и соответствующую способность человека, и именно это фиксируется в словарях. Но слово *душа* в определенном круге контекстов тоже обозначает не орган, а способность; ср. *Он начисто лишен души* — здесь слово *душа* обозначает способность человека страдать.

Тем не менее, слово *ум* и другие обсуждаемые здесь слова коренным образом отличаются от слова *душа*. Действительно, носитель языка, хотя и с определенными оговорками, но согласится с тем, что душа — это нечто нематериальное, невидимое, в верхней части груди человека (оговорка состоит в том, что так считают не все). Но он рассмеется, если ему сообщить, что ум — это нечто нематериальное в голове чело-

века: это противоречит не только его представлению о мире, но и его «языковому сознанию».

На наш взгляд, слово *ум* вместе с другими обсуждаемыми здесь словами семантически «подравнивается» под слово *душа*. Это можно объяснить тем, что душа — это центральное понятие русской языковой модели человека. Требуется уяснить механизм этого семантического подравнивания. Рассмотрим некоторые факты языка.

В естественном (по крайней мере, в русском) языке обозначение части тела служит и обозначением функции этой части тела — это обычная метонимия. Так, слово *глаза* может обозначать как орган зрения (ср. *большие глаза*), так и само зрение, т. е. функцию глаз, способность видеть, ср. *Она теряет глаза* (такое употребление возможно в некоторых разговорных или уходящих контекстах). Аналогично, слово *пальцы* может обозначать и часть руки (ср. *длинные пальцы*), и функцию, определенную способностью этой части, ср. *Из-за этой болезни музыкант теряет пальцы*. Слово *обезножить* (разговорное или уходящее) по логике вещей должно было бы иметь значение ‘лишиться ног’, но имеет другое значение: ‘потерять способность ходить при наличии ног’, ср. *После удара старуха генеральшиа обезножела*. Тем самым, корень этого слова указывает не на часть тела (ноги), а на функцию этой части тела — ‘ходить’. Приведем более стандартные примеры.

Слово *голова* имеет два значения. Первая его лексема обозначает часть тела, ср. *всадник без головы*. Вторая лексема указывает на способность человека думать и понимать, ассоциируемую с этой частью тела, т. е. на функцию головы. Ср. *потерять голову от счастья*, *У него есть голова на плечах*; *У него головы нет*. Аналогичные две лексемы имеет и дериват от слова *голова* — слово *безголовый*. Ср. *странные безголовые существа* и *Ну ты совсем безголовый*. Подобным образом по две лексемы имеют и дериваты от обозначений других частей тела, ср. *безрукий*, *безглазый*, *глазастый*, *рукастый*. Первая лексема такого деривата имеет значение (обобщенно) ‘имеющий данную часть тела / не имеющий данной части тела’, вторая — ‘имеющий способность, ассоциируемую с данной частью тела / не имеющий способности, ассоциируемой с данной частью тела’. Так, *безрукий 1* ‘не имеющий руки или рук’, *безрукий инвалид*; *безрукий 2* ‘не имеющий способности хорошо делать руками определенную работу’, ср. *Он безрукий, и пуговицу пришить не*

может. *Безглазый* 1 ‘не имеющий глаз’, ср. *безглазые медузы*; *безглазый* 2 ‘не имеющий способности хорошо видеть, замечать’, ср. *Совсем безглазый — ни одного гриба не нашел*. *Рукастый* 1 ‘имеющий большие руки’, ср. *Коля Давиденков — большой, нескладный юноша, широкоплечий, ногастый, рукастый* (Л. Чуковская); *рукастый* 2 ‘имеющий способность хорошо работать руками’, ср. *Я, ты знаешь, рукастый, ударничал так, что жилы рвались* (Л. Кабо). *Глазастый* 1 ‘имеющий большие глаза’, ср. *худой, глазастый, длинноволосый мальчик*; *глазастый* 2 ‘имеющий способность хорошо видеть’, ср. *Ну ты глазастый, столько грибов нашел*.

Итак, в языке имеет место регулярная полисемия ‘часть тела’ — ‘функция этой части тела’¹⁰. Иными словами, одно и то же слово в одном своем значении может обозначать часть тела, а в другом — его функцию, способность, ассоциируемую с данной частью тела. Эта полисемия охватывает и обсуждаемые слова: они ведут себя и как обозначение способности, и как обозначение некоего внутреннего органа. В результате русская языковая модель человека проста и логична. В соответствии с ней психические процессы вполне аналогичны материальным процессам внутри человеческого тела: та или иная способность человека — это функция какого-то органа. Например, если человек способен думать и понимать, то, значит, внутри него есть невидимый орган, который и обеспечивает данную способность.

Иными словами, семантика обсуждаемых слов *ум*, *память* и т.п. подравнивается под семантику обозначения обычной, материальной части тела. Если слово обозначает материальную часть тела, то оно может употребляться еще и как обозначение функции, способности данной части тела, т.е. может иметь два значения (употребления): ‘часть тела’ — ‘функция данной части тела’. Слова *ум*, *память*, *воображение* и т.п. развивают аналогичную структуру употреблений: ‘невидимая часть тела’ — ‘функция данной части тела’. При этом употребление слов *ум*, *память*, *воображение* и т.п. как обозначений невидимых органов имеет в языке мощную поддержку — это лексема *душа*, обозначающая настоящий невидимый орган, который к тому же занимает

10 Мы сейчас отвлекаемся о того, что этот метонимический перенос возможен не между лексемами как таковыми, но между употреблением лексем. Об употреблении лексем см.: Апресян 2001.

центральное место в русской языковой модели человека. Таким образом, семантика обсуждаемых слов *ум*, *память*, *воображение* и т.п. подравнивается одновременно и под семантику обозначений материальных частей тела, и под семантику слова *душа*. Таково действие аналогии в семантике.

Семантические компоненты, обязанные своим существованием действию аналогии (семантическому подравниванию), имеют совершенно особый статус. Они не соответствуют нашим обиходным представлениям и не ощущаются языковой интуицией. Именно поэтому большая часть сочетаемости обсуждаемых лексем представляется «нелогичной»¹¹.

Вернемся к поставленному выше вопросу: каким образом целенаправленное действие *думать* приводит не к ожидаемому контролируруемому результату, а к неконтролируемой мысли? Ответ ясен: в языковой картине мира мысль — это продукт деятельности ума, а ум, как и прочие невидимые, нематериальные органы, функционирует самостоятельно, его деятельность неподвластна субъекту, им не контролируется. В этом отношении мысли подобны чувствам. Субъект может подавлять какие-то чувства, бороться с ними или, наоборот, подогревать или культивировать их. Но он не волен в возникновении и исчезновении (уходе) чувств. Мысли, как и чувства, возникают и исчезают сами по себе, безотносительно к воле субъекта.

5. Вместо заключения: откуда берутся мысли. Этот вопрос тесно связан с рядом актуальных вопросов: почему в переломные эпохи люди легко меняют убеждения? почему на человека часто не действуют логические доводы? В языке зафиксировано представление, что мысль приходит к человеку откуда-то извне. Для того чтобы понять, чем каузируются мысли, приходится выйти за пределы собственно лингвистики и обратиться к здравому смыслу.

Очевидно, что возникновение той или иной мысли зависит от двух факторов: от сферы желаний самого субъекта и от имеющейся у него

11 «Нелогичную» сочетаемость обсуждаемых слов часто интерпретируют в русле широко известной работы (Lakoff/Johnson 1980) как проявление стершейся метафоры типа MIND IS A MACHINE (букв. 'Ум — это устройство'), ср. *My mind just isn't operating today*. Наш подход охватывает большее число фактов и поэтому более системен, т.е. обладает большей объяснительной силой.

информации о мире — об окружающей действительности, об обществе. Человек — существо социальное («стадное животное»), поэтому естественное желание человека — быть со всеми вместе, идти за вожаком, а не против него и всех остальных. При этом при восприятии человеком информации действует постулат истинности Грайса: в норме у адресата есть презумпция правдивости говорящего, а значит — истинности его сообщения. Это относится и к пропаганде. Для того чтобы критически думать над новой информацией, в частности над пропагандируемой, проверять чужие выводы логически или опираясь на нравственное чувство, нужны сознательные усилия — приходится как будто идти против своей природы.

Но в человека заложен разум и нравственное чувство, поэтому усилия, направленные на то, чтобы отличить правду от лжи, тоже в природе человека. Подавляющее большинство людей не хочет прилагать эти усилия, не имеет к ним привычки. Поэтому если человек постоянно слышит определенную информацию, например пропаганду, то он усваивает ее, привыкает к ней, она заполняет его сознание, даже если сначала и казалась ему ложной. Эта информация целиком определяет его мысли. В результате член социума, инстинктивно желая быть со всеми вместе и привыкнув к новой пропаганде, меняет свои взгляды и убеждения.

Примером может служить резкое изменение отношения к войне у большого числа людей в наше время. Огромная часть взрослых русскоязычных людей воспитана на том, что война — это огромное зло: достаточно вспомнить лозунги и расхожие цитаты недавнего прошлого, ср. *Миру — мир; Мы за мир!; Мир во всем мире; «Мы все за мир!/Клятву дают народы!/Мы все за мир!/Пусть зеленеют всходы!/Мы все за мир!/Реют знамена свободы!»* (Е. Долматовский); *«Парни, парни, это в наших силах/Землю от пожара уберечь./Мы за мир и дружбу,/за улыбки милых,/За сердечность встреч»* (Е. Долматовский); *«Хотят ли русские войны? [...] Спросите вы у тех солдат,/что под березами лежат,/и вам ответят их сыны,/хотят ли русские войны»* (Е. Евтушенко). При этом огромное число людей, воспитанных на этих идеях и лозунгах, поддерживают войны, причем этот поворот мыслей не сопровождается у них ни «чувством прозрения», ни каким-либо кризисом личности — убеждения изменяются как бы сами собой. Таков

результат действия пропаганды — если человек не получает никакой другой информации, он привыкает к тому, что постоянно слышит, пропаганда заполняет его сознание. Большинство людей не имеют привычки анализировать информацию, думать над ней — они принимают новую пропаганду так же, как они принимали предыдущую. Вследствие этого человек не отдает себе отчета в том, что его взгляды изменились, — ведь он по-прежнему идет за вожаком.

Нужно сказать, что в разных культурах выработаны особые практики контроля над сознанием. Это восточные практики медитации, христианская аскеза. Все они предполагают сильное самоограничение, вплоть до отсечения информации, получаемой «извне», т.е. от социума. Для большинства людей это неосуществимо. Нам остается логика и нравственное чувство¹².

Воздействие пропаганды на взгляды и убеждения человека хорошо известно психологам, социологам, политтехнологам. Мы попытались взглянуть на проблему с лингвистической точки зрения, сквозь призму языковой картины мира.

Литература

- Апресян, Юрий (1974): *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. Москва: Наука.
- Апресян, Юрий (2001): «Значение и употребление», в: *Вопросы языкознания* 4, 3–22.
- Апресян, Юрий (2004а): «Знание, мнение» [словарная статья], в: Он же (общ. рук.): *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва/Вена: Языки славянской культуры / Wiener Slawistischer Almanach, 389–396.
- Апресян, Юрий (2004б): «Лингвистическая терминология словаря», в: Он же (общ. рук.): *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва/Вена: Языки славянской культуры / Wiener Slawistischer Almanach, XXII–LII.

12 ...и совет доктора Преображенского: «И — Боже вас сохрани — не читайте до обеда советских газет» (М. Булгаков, «Собачье сердце»).

- Апресян, Юрий (2006): «Основания системной лексикографии», в: Он же (отв. ред.): *Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва: Языки славянских культур, 33–160.
- Апресян, Юрий (2010): «Инструкция по составлению словарных статей активного словаря (АС) русского языка», в: Он же (отв. ред.): *Прспект активного словаря русского языка*. Москва: Языки славянских культур, 55–152.
- Апресян, Юрий (2017): «Думать» [словарная статья], в: Он же (общ. рук.): *Активный словарь русского языка*. Т. 3. Москва/Санкт-Петербург: Нестор-История, 280–282.
- Апресян, Юрий / Жолковский, Александр / Мельчук, Игорь (1984): «Память» [словарная статья], в: Жолковский, Александр / Мельчук, Игорь: *Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики* (= Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14). Вена, 559–571.
- Арутюнова, Нина (1976): *Предложение и его смысл*. Москва: Наука.
- Арутюнова, Нина (1990): «Метафора» [словарная статья], в: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 296–297.
- Арутюнова, Нина (1988): *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука.
- Блейлер, Е. [Bleuler, Eugen] (1927): *Аутистическое мышление*. Пер. с нем. и предисл. Я.М.Когана. Одесса. (Серия «Вопросы теории и практики психоанализа»).
- Богуславский, Игорь (1984): «Понимать» [словарная статья], в: Жолковский, Александр / Мельчук, Игорь: *Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики* (= Wiener Slawistischer Almanach. Sb 14). Вена, 623–633.
- Выготский, Лев (2007): *Мышление и речь*. Москва: Лабиринт.
- Жинкин, Николай (1998): «О кодовых переходах во внутренней речи», в: Он же: *Язык — речь — творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике*. Москва: Лабиринт, 146–162.
- Зализняк, Анна (2006): *Многозначность в языке и способы ее представления*. Москва: Языки славянских культур.
- МАС (1985–1988): *Толковый словарь русского языка в четырех томах*. Москва: Русский язык.

- Падучева, Елена (2004): *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры.
- Словарь Ушакова (1935–1940): *Толковый словарь русского языка: в 4-х т.* Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: ОГИЗ / Гос. изд-во иностр. и нац. слов.
- СЯРЖ (2001): Григорьева, Светлана / Григорьев, Николай / Крейдлин, Григорий: *Словарь языка русских жестов*. Москва/Вена: Языки русской культуры / Wiener Slawistischer Almanach (Sonderband 49).
- Урысон, Елена (2004): *Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике*. Москва: Языки славянской культуры.
- Урысон, Елена (2007): «Многозначное слово СОЗНАНИЕ», в: Земская, Елена и др. (ред.): *Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина*. Москва: Языки славянской культуры, 584–599.
- Урысон, Елена (2020): «Аналогия в семантике и проблемы семантического метаязыка (на примере существительного внимание)», в: *Вопросы языкознания* 5, 57–75.
- Успенский, Владимир (1979): «О вещных коннотациях абстрактных существительных», в: *Семиотика и информатика* 11. Москва: ВИНТИ, 146–152.
- Lakoff, George / Johnson, Mark (1980): *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press.
- Vendler, Zeno (1967): *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Wierzbicka, Anna (1990): “Duša (≈soul), toska (≈yearning), sud’ba (≈fate): three key concepts in Russian language and Russian culture”, in: Saloni, Zygmunt (red.): *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok: Dział Wydawnictw Filii UW, 13–36.
- Wierzbicka, Anna (1992): *Semantic, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford University Press.